

DOI 10.25587/SVFU.2018.10.14548

УДК 398.2(=512.1)

М. Х. Идельбаев

Башкирский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИМПРОВИЗАТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В СЛОВЕСНОСТИ ТЮРКСКИХ АВТОРОВ

Аннотация. Целью исследования является раскрытие закономерностей становления и многовекового развития общетюркской и башкирской авторской изустной поэзии. Актуальность статьи определяется малоизученностью данной проблемы в сравнительном плане.

Основной метод – историко-сопоставительный и системный подход к изучению творчества профессиональных импровизаторов тюркских народов.

Авторская изустная поэзия, как уникальное явление художественной словесности, имела место в истории культуры многих народов мира. В ней непревзойденные мастера поэтического слова слагали свои сочинения, как правило, путем импровизации перед публикой и выражали в них личное мировоззрение и этическую оценку действительности. Особенно широко было развито изустное профессиональное творчество среди тюркских народов. Авторы изустной поэзии художественное творчество сочетали с большой общественной деятельностью. Они пользовались в народе непререкаемым авторитетом, смело вмешивались в деятельность вождей и предводителей. Характерная особенность творчества изустных сочинителей – поднимать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания перед народом.

Многовековая башкирская авторская изустная поэзия по характеру и содержанию деятельности мастеров слова была созвучна творчеству родственных тюркоязычных коллег. Башкирские *сэсэн* чаще всего обращались к *айтышу* (поэтическому состязанию), *кубаиру*, эпосу, песне, отчасти – *баиру*. Это – жанры, широко распространенные в башкирском фольклоре. При одноименности названий, те же жанры в авторской изустной поэзии отличались от фольклорных осознанным авторством, творческой индивидуальностью, близостью объектов изображения к реальной действительности, устойчивостью текстов, преобладанием в них философии и дидактики.

Основные результаты работы позволяют утверждать, что профессиональная авторская изустная поэзия тюркских народов, равно как и творчество башкирских *сэсэнов* XVI-XVIII вв., была на уровне общечеловеческих достижений изустной литературы как по содержанию, так и по различным формам ее воспроизведения. В то же время ей в целом были присущи отчетливые местные особенности, а каждому автору – неповторимые черты индивидуальности.

Ключевые слова: эпос, *сэсэн*, *йырау*, изустная поэзия, автор, башкиры, якуты, жанр, песня, творческая индивидуальность.

ИДЕЛЬБАЕВ Мирас Хамзович – д. филол. н., проф., член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор-консультант каф. башкирской литературы, фольклора и культуры Башкирского государственного университета, Уфа, Россия.

E-mail: mirasidel@mail.ru

IDELBAEV Miras Khamzovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, professor-consultant of the Department of Bashkir literature, folklore and culture, Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: mirasidel@mail.ru

М. Н. Idelbaev

The professional improvisational creativity in the literature of the Turkic peoples

Abstract. The purpose of the research is to reveal of the patterns of the formation and centuries-old development of the common Turkic and Bashkir author's oral poetry. The relevance of this article is determined by understudying the comparatively research of the problem.

The main method is historical-comparative and system approach to studying the Turkic national professional improvisers' creation.

The author's verbal poetry, as unique phenomenon in artistic literature, took place in the history of culture of many peoples of the world. There, unsurpassed masters of the poetic word composed their compositions, as a rule, by improvisation in front of the public and expressed their personal world view and ethical assessment of reality. Particularly widespread was the cultivated professional creativity among the Turkic peoples. Authors of verbal poetry combined art creativity with great public activity. They enjoyed popular authority among people, courageously intervened in the activities of rulers and leaders. A characteristic feature of the creativity of verbal writers is to touch upon the most pressing issues of the time that are relevant to a given society at the time of a public address to people.

By the nature and content of the work of the masters of the word, the centuries-old Bashkir verbal authorial poetry was consonant with the work of the related Turkic-speaking peers. Bashkir *sesens* often turned to *aitysh* (poetic competition), *kubair*, epic, song, and partly – *bait*. These are the genres widely spread in the Bashkir folklore. Although having the same name, the same genres in the author's poetry differed from the folklore by conscious authorship, creative individuality, the closeness of objects of the image to the reality, the stability of texts, the prevalence of philosophy and didactics.

The main results of the work allow us to state that the professional author's poetry of the Turkic peoples, as well as the creativity *sesens* of the 16-18th centuries was at the level of universal achievements of literature both in content and in various forms of its reproduction. At the same time, it was generally characterized by distinct local characteristics, and in each author – by unique personal features.

Keywords: epic, Turkic improvisers (*sesen*, *yirau*), poetry, author, Bashkirs, Yakuts, genre, song, creative manner.

Введение

В истории культуры многих народов мира наблюдалось уникальное явление, называемое авторской изустной литературой, которое, наряду с фольклором и письменной литературой, представляло собой отдельный вид словесного искусства. Она сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности.

В отечественной филологии был распространен термин «устная литература», «устная поэзия», который активно применялся исследователями XIX-XX вв. (А. Н. Веселовский [2], Е. М. Мелетинский [3], М. И. Стеблин-Каменский [4], И. С. Лисевич [5] и др.). Понятие «изустная литература» в 1930-е гг. впервые в научный оборот ввел академик Н. Я. Марр в значении «как продукт конкретного авторского импровизаторского профессионального творчества». Он отмечал, что изустная литература требует «тех же исследовательских приемов, что и писаная литература» [1, с. 11]. В настоящей статье данный термин применяется именно в этом значении, хотя есть другое – словесный фольклор.

Слово «изустная литература» в башкирском литературоведении как научный термин стало применяться с 70-х гг. XX в. В некоторых других тюркоязычных – в казахской, азербайджанской, а также в среднеазиатских и других литературах – этот термин вошел в научный обиход несколько раньше, в первой половине названного столетия.

Профессиональное импровизаторское искусство в словесности народов

Первоначальные индивидуальные изустные творения родились в родоплеменных условиях при содействии обрядов и ритуалов. Знатоки, ценящие магическую силу слова, поэтические

причитания использовали в различных обрядовых (а значит, и жизненных) целях – для заговоров, заклинаний, ворожбы, гадания, предсказания, врачевания и т. д. Далее из этих «жанров», связанных с использованием волшебной силы слова, на первый план выходило импровизаторское художественное творчество. Его тематический и жанровый репертуар также типологически тождественен для различных историко-географических регионов. На всех этапах развития изустной литературы заметное место занимает восхваление, воспевание кого- или чего-либо: божественных сил, святых духов, правителей, вождей, военачальников, батыров, победоносных походов, высокой морали... Авторы, как правило, прекрасные знатоки религиозных и светских легенд и преданий, знаменательных исторических событий, родословной высокопоставленных лиц, используют их в публичных выступлениях или в создании больших эпических произведений. Изустные творцы всегда находятся в гуще общественно-политических событий, пользуются всеобщим уважением, смело вмешиваются в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях влияют на них своими мудрыми советами. Характерная особенность творчества изустных сочинителей – затрагивать самые насущные проблемы времени, актуальные для данного общества именно к моменту публичного высказывания. Злободневные общественно-политические проблемы рождали широкий круг тематики и комплекс жанров авторской изустной поэзии: от героических и социально-бытовых эпосов до исторических, лирических песен, гимнов. Арабские *реджес* – импровизированные народные гимны – позднее нашли распространение и у тюрков; древнейшее явление изустной литературы – поэтический спор двух мастеров слова способствовал появлению в VIII-V вв. до н. э. в Греции жанра *агон*, в древнем и средневековом Востоке – *назиры*, в X-XI вв. в Европе – *тенцоны* и *пастурели*, длительному бытованию в тюркской среде *айтыша*. В средневековье в странах восточной Европы появились бродячие поэты-импровизаторы – германские шпильманы, французские труверы, они содействовали дальнейшему процветанию героической эпике; творчество русских скоморохов своим увеселительным содержанием было направлено на поднятие духа народных масс, зачастую оно включало элементы устной народной драмы.

Продолжительность бытования изустной литературы, ее удельный вес в словесном искусстве того или иного народа зависит от ряда факторов, в первую очередь – от социально-исторических условий, общественно-политического положения, географических особенностей, наличия своей аудитории и ее требований. В большинстве тюркоязычных литератур имелись благоприятные условия для ее многовекового расцвета.

В изустной литературе всех регионов доминировала поэтическая форма, способствующая более длительному сохранению первоначального авторского «оригинала». Иногда в ней имели место бытование и проза. Она получила распространение у древних персов и арабов. В XVII-XVIII вв. в русской среде были известны так называемые «народные книги», в понятие которых входят «как элементарные подражания фольклорным образцам, механические заимствования в лубочные переложения, так и литературные произведения, созданные на основе художественного и идейного переосмысления фольклора различных жанров» [6, с. 66].

Отпечатки устной словесности отмечены еще в самых ранних тюркских рунических письмах (VIII в.). И. В. Стеблева пишет об орхонских надписях: «В текстах памятников легко обнаруживаются следы влияния дружинного эпоса, складывавшегося в окружении предводителя войск» [7, с. 197, 198]. В Большой надписи Кюль-тегина мать правителя сравнивается с птицей Хумай, олицетворяющей в древнетюркской мифологии богиню земного начала и плодородия. Этот образ в том же значении занял место в древнем башкирском эпосе «Урал батыр». Большая и Малая надписи Кюль-тегина привлекают внимание еще и тем, что их текст высечен мастерами по устной диктовке автора Йолыг-тегина, родного брата героя этих двух памятников. В изустных традициях созданы также шедевры рунического и уйгурского письма VIII-X вв. «Книга гаданий» («Ырк битиг») и «Легенда о принце и тигре». Легендарный Коркут, «аксакал, мудрый патриарх, вещий певец и прорицатель» [8, с. 532], является, пожалуй, первым ныне известным представителем изустной литературы тюрков. Легенды и предания, эпические сюжеты под его авторством стали появляться у огузских тюрков в VII-XI вв. и записывались примерно в середине второго тысячелетия; т. е. в течение 5-8 столетий они бытовали под его легендарным авторством в изустной среде. В конце каждого из 12 сюжетов, изданных в настоящее время,

от имени Коркута благословляется изустное их распространение словами типа: «Пришел дед мой Коркут, сложил песнь, сказал он... после меня пусть переймут и рассказывают ее певцы» [9, с. 63]. В памятнике находим емкую характеристику изустного певца («С кобзой в руке, от народа к народу, от бека к беку идет певец; кто из мужей отважен, кто не годеи, знает певец...» [9, с. 12, 13]), очень созвучную словам, какими обрисовывали башкирские *сэсэн* своих коллег («[Он] не защитник плохих деяний, не церемонится с врагом, любит справедливость, поет о нуждах страны»). Сюжеты, приписываемые Коркуту, легенды и предания о нем самом в настоящее время встречаются у многих тюркских народов, в т. ч. и у башкир [10]. Созданное в XII-XIII вв. в Фергане поэтическое сочинение Ахмета Югнаки «Хибат аль-хакаи» («Подарок истин») полностью можно назвать изустным, «особенности авторской изустной поэзии присущи его творчеству от начала до конца» [11, с. 406]. Во-первых, он, как и античный поэт Гомер, с рождения был незрячим и мог творить его только по памяти. Во-вторых, будучи представителем формирующейся в средневековой тюркской среде литературы суфийского направления, он адресовал свое произведение народным массам – простому неграмотному слушателю. В колофоне памятника автор сам высказался о его изустном характере («Высказал [это все] поэт по всем изяществам языка, если кто знает кашгарский язык, то он будет знать все, что сказано» [12, с. 199, 319, 320, 321] – курсив наш – М. И.). Литературовед И. К. Янбаев в одной из недавних публикаций ввел в научный оборот переводы средневековых тюркоязычных памятников малых жанров, осуществленные башкирским просветителем XIX в. Хабибназаром Утяки. Среди текстов имеются общие для рукописной и изустной литературы того времени жанры, как «хикмет, кисса, предание, латифа, басня, тамсил и др.» [13, с. 295]. Таким образом, авторские изустные памятники в древней и средневековой общетюркской литературе бытовали наряду с письменными. А далее на их традициях изустная поэзия долго и устойчиво функционировала в большинстве литератур тюркских народов. На наш взгляд, причины ее особой живучести в тюркском мире необходимо искать в следующих обстоятельствах: 1) Словесное искусство, как известно, может служить мощным идеологическим оружием правящих классов. В зависимости от изменения соотношений социальных сил в обществе, меняются и формы бытования словесности как средства идеологии. Процесс классовой дифференциации у тюрков, в силу ряда объективных исторических обстоятельств, протекал медленно и затянулся на несколько столетий; 2) Основным способом производства служило у них скотоводство, которое, по замечанию Л. Н. Гумилева, «является наиболее устойчивой формой хозяйства, почти не поддающейся усовершенствованию» [14, с. 4]. Оно также по-своему повлияло на замедленный ход социальной дифференциации, на более мирное взаимоотношение между различными социальными силами, не допускало рабовладения и крепостничества среди соплеменников; 3) Скотоводство само по себе создавало благоприятные условия для процветания изустного поэтического слова, рождения его новых жанров. Достаточно вспомнить появление античных буколики, идиллии, эклоги, средневековую французскую пастораль и др., которое было связано с природой; 4) Как ни парадоксально, сама письменная литература у тюрков, в отличие от другой аналогичной среды, содействовала параллельному устойчивому бытованию изустной. Дело в том, что письменные художественные памятники тюрков с обильно заимствованными арабизмами и фарсизмами обычно создавались для более или менее грамотного слоя населения. Такая литература удовлетворяла потребности лишь высокообразованной части общества. А остальное большинство выдвигало из своих рядов мастеров изустного слова, которые творили на живом разговорном языке. Они зачастую и книжные сюжеты письменников переложили на народный язык. Перечисленные обстоятельства были характерны для большинства тюркоязычных народов, и функционирование изустной литературы исчисляется у них несколькими столетиями [15].

Наиболее значительными представителями изустной поэзии ряда тюркских народов, возникших на традициях общетюркской эпохи словесности были: турецкой – Юсуф Амре (XIII-XIV вв.), Пир Солтан Абдаль (XVI в.) и современные *ашуги*; азербайджанской – Гурбани, Ашуг-Аббас, Сары-Ашуг, Ашуг-Валех (XV-XVI вв.) и плеяда прославленных *ашугов* XIX-XX вв.; туркменской – *шаиры* Байрам-хан, Караджа-оглан, Бархудар Туркмен, *бахшы* Андалиб, Шабенде, Шайдан, Гурбанлы, Магруппи (XVI-XVIII вв.); киргизской – знаменитые манасчы (т. е. сказители «Манаса») Сагымбай Орозбаков и Саякбай Каралаев и их ученики (XIX-

XX вв.); казахской – *когорта йырау* XIV-XVI вв. и самобытные *акыны* Досмамбет, Бухар, Умбетай, Таги-Каре, Шал, Кутуш, Коблан, Жанкиси, Махамбет (XVII-XIX вв.). Общими, объединяющими началами в их импровизациях выступают созвучность идейно-тематических направлений, сходство жанров и жанровых форм, единство формообразующих показателей. И еще – сочинения изустных авторов принципиально отличаются от фольклорных памятников, которыми был невероятно богат каждый из упомянутых регионов. Между мастерами изустного слова разных поколений – наставниками и их учениками – установились многовековые традиции взаимоотношений. Профессиональные творцы новых поколений относились к импровизациям своих старших коллег как к нечто святому, ни в коем случае не осмеливались вносить в них существенные изменения. «Их “вмешательство” в текст своих предшественников, – как отмечал Х. Г. Короглы (*реже Кор-оглы – М. И.*), – было не более чем “вмешательство” переписчиков рукописей поэтов-классиков» [16, с. 480].

Импровизация – не обязательно моментальное сочинение при прямом выступлении перед публикой. Профессиональный импровизатор – большая творческая личность, постоянно занятая проблемами своего времени. О публичном выступлении он, безусловно, заботится заранее, и многие, наиболее важные его мысли в виде готовых поэтических строк могли рождаться раньше, до общения с аудиторией. Но это не исключает активного творческого процесса при выступлении: в зависимости от контингента слушателей, их настроения, расположенности, места, времени и обстоятельства произнесенной речи что-то добавляется, убирается, подчеркивается – иначе не было бы настоящей импровизации. Для большого мастера внесение коррективов в готовый текст не составляло большого труда. Зато рождался шедевр – тщательно обдуманная от начала до конца импровизация (будь она *кубаиром*, *толгау*, *айтыш*, воззванием, эпическим повествованием) приобретала неповторимую образно-поэтическую форму, уже не подлежащую изменению ее авторских индивидуальных особенностей. И каждый такой подлинный импровизатор имел свой неповторимый голос.

Изустная литература находится в центре между фольклором и письменной литературой и служит опорой, базой для их развития. Первоначально все устные сочинения рождаются в ее среде и со временем, когда их авторы предаются забвению, становятся достоянием фольклора. А письменная литература, как известно, питается лучшими традициями как фольклора, так и изустной поэзии. К тому же, авторские изустные сочинения на последнем этапе бытования этой литературы зачастую доходят до читателей письменным путем. Выходит, богатейший фольклорный репертуар башкирского народа (последнее издание – в 36 томах) свидетельствует также и о длительности и богатстве древнего этапа изустной литературы. По подтверждению многочисленных фактов, письменность в регионе тоже возникла рано; первые общетюркские письменные литературные памятники или образцы надписей, начиная с рунических, имели распространение и среди башкир с VII-VIII столетий. Стало быть, можно вести речь о длительной истории взаимоотношений изустной, письменной литературы и фольклора. Башкирские *йырау* и *сэсэнны*, представители изустной поэзии XIV-XIX вв., хотя и выбирали устную речь в качестве единственного средства общения с публикой, в большинстве имели весьма высокое образование. Они были осведомлены об исторических событиях страны, как правило, по письменным источникам, художественные памятники читали в оригиналах или полных версиях. При всем том *сэсэнны* предпочитали изустное изложение своих сочинений.

Принципиальная разница между изустной и письменной передачей художественного материала заключается в адресате его назначения и оперативности содержания. Все то, о чем говорит изустный автор, относится к «сегодняшнему» своего времени, чаще всего безотлагательно к моменту выступлений. Его слушатель стоит рядом (а может быть, сидит на троне), непосредственно воспринимает, тотчас же делает выводы, принимает решения. Письменная же литература повествует о прошедшем. Если даже и поднимаются в ней самые злободневные вопросы, все равно проходит определенное время между фиксацией на бумаге и восприятием читателем. Между тем, очень часто некогда оперативные сочинения изустной литературы потом служат базой, источником для письменной. Сюжеты большого цикла восточных средневековых дастанов когда-то первоначально были сочинены изустными авторами. Таким образом, письменная литература с самого, можно сказать, своего рождения подвергалась влиянию изустной.

В Большой и Малой орхонских надписях, например, как в зеркале нашли отражение основные тематические направления изустной поэзии. Как бы в дополнение к ним, в миниатюрных притчах «Бірк битиг» и сборнике «Хибат аль-хакаик» А. Югнаки, созданных в характерной для изустной поэзии форме обращения к слушателю, сконцентрированы повседневные житейские вопросы, правила поведения, морально-этические нормы. Даже в эпитафийных поэтических изречениях Урало-Поволжья, Башкортостана XI-XVIII вв. зафиксированы философские мысли о бренности мира, о жизни и смерти, местами дословно совпадающие с афористичными строками *кубаиров*. В древнетюркских памятниках «Кутадгу билик» Ю. Баласагуни, «Диван лугат-ит тюрк» М. Кашгари и средневековых кипчакских диванах и дастанах «Мухаббатнаме» Хорезми, «Гулистан бит-тюрки» Сараи, «Жумжума Султан» Катипа, «Хосроу и Ширин» Кутба обнаруживаются аналогичные признаки близости с башкирскими памятниками изустной литературы тюркских народов.

Несколько слов о башкирской авторской изустной поэзии, которая в течение столетий развивалась по единым канонам тюркской словесности.

Многовековая башкирская авторская изустная поэзия по характеру и содержанию деятельности мастеров слова делится на несколько этапов.

Первый этап башкирской авторской изустности – условный, связанный с происхождением различных обрядов и ритуалов; охватывает период, начиная с глубокой древности до XIV в. новой эры (до начала эпохи *йырау*); импровизаторов данного этапа народ называл «хынсы», позднее «баксы»; их сочинения, естественно, давно фольклоризованы. Тем не менее, сохранившийся до наших дней богатейший репертуар обрядового фольклора позволяет нам предположительно вести речь о профессиональных сочинителях, использующих магическую силу слова в своей разносторонней деятельности. *Баксы*, видимо, заметно выделялись среди основной массы, пользовались непререкаемым авторитетом. Их творческая деятельность имела синкретический характер и разделялась на несколько профессий: пророк, знахарь, колдун, вещун, заклинатель, певец.

Второй этап – эпоха *йырау*; их жизнь и творчество приходится на XIV-XVI столетия. До наших дней дошли имена и некоторые импровизации Хабрау, Асана Кайгы, Казтугана, Шалгииза. Их сочинения считаются общим достоянием казахов, башкир, ногайцев и каракалпаков.

Третий этап, эпоха *сэсэн*, по историческим условиям резко отличается от двух предыдущих; он приходится на российский период башкирской литературы. В тюркском мире *сэсэн* называют лишь башкирских мастеров изустного слова, однако это слово в родственных звучаниях встречается и у других, даже не обязательно тюркских, народов: у бурят – *чечен*, у узбеков – *чечан*, у казахов – *шешен*, у каракалпаков – *шишин*, у татар – *чичэн*, у монголов – *сэчен*, *цицен*, у китайцев – *шенжень* и др. Во всех перечисленных случаях он эквивалентен значениям «мудрец», «творец», «остроумный», «импровизатор». Вероятнее всего, близкие соседи башкир – казахи, узбеки, каракалпаки, татары – имели в виду здесь истинного *сэсэна*, т. е. выходца из башкир. В самой башкирской среде «сэсэн» считается словом древнего происхождения, оно бытовало параллельно с «йырау» и, вполне возможно, восходит к временам тюркского каганата и имеет отношение к китайскому, монгольскому языкам. Поскольку неумолимое время неравномерно сохранило имена и поэтическое наследие башкирских профессиональных *сэсэн*, то с этой позиции их можно разделить на три группы. Первая – это те, кто жили и творили до XIV в. и исторически первыми удостоивались почетного прозвища «сэсэн», их имена забыты, импровизации давно стали фольклорными. А те имена, которые известны, но при этом ни одной строчки их импровизаций не дошло до нас, относятся ко второй группе: Катай Гали сэсэн, Ихсан сэсэн, Турумтай сэсэн, Суюндук сэсэн, Кильдыш сэсэн, Еммет сэсэн, Каракай сэсэн, Яхъя сэсэн и др. По *шежере*, документам и фольклорным источникам известно, что они, как и другие их соратники по творчеству, принимали самое активное участие в общественно-политической жизни, пользовались всеобщим уважением. Третью группу представляют уже именитые в башкирской авторской изустной поэзии фигуры Еренсе, Кубагуш, Акмурза, Карас, Байык, Махмут, Буранбай, Ишмухамет Мурзакаев, Габит Аргынбаев, Мухамметша Бурангулов (XVI в. – I пол. XX в.) [17, с. 106-108].

Заключение

Таким образом, авторская изустная поэзия – явление уникальное в художественной словесности народов мира, а в литературе тюркских народов в течение нескольких столетий занимала особое место. Факторы взаимосвязи изустной литературы с фольклором и письменной литературой, или, наоборот, критерии их самостоятельности, в первую очередь, обнаруживаются в авторской природе, объектах изображения, круге поднятых проблем и тематических направлений, жанровой системе.

Тексты изустной литературы подвергаются изменению гораздо медленнее, чем фольклорные произведения. Их устойчивость обеспечивается обращением авторов преимущественно к поэтической речи; простотой формообразующих средств, рассчитанной на легкость восприятия, запоминания и рассказывания наизусть; привлекающей внимание слушателей злободневностью и не устаревающей актуальностью содержания; непререкаемым авторитетом сочинителя. Бытование изустной литературы не зависит от присутствия письменной словесности, оно связано с наличием своей аудитории с ее духовными потребностями.

В определенных исторических условиях профессиональная изустная литература постепенно сливается с другими видами словесного искусства, но и за время своего полнокровного функционирования оказывает положительное влияние на развитие фольклора и письменной литературы, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

Литература

1. Марр Н. Я. Академик С. Ф. Ольденбург и проблемы культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. 1881-1931: Сборник статей. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С. 5-14.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.
3. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. – 318 с.
4. Стеблин-Каменский М. И. Историческая поэтика. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. – 176 с.
5. Лисевич И. С. Древняя китайская поэзия и народная песня. – М.: Наука, 1969. – 288 с.
6. Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. – Л.: Худ. лит-ра, Ленингр. отд., 1973. – 360 с.
7. Стеблева И. В. Древняя тюркоязычная литература // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 2. – М.: Наука, 1984. – С. 196-205.
8. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1974. – 728 с.
9. Книга моего деда Коркута: Огузский героический эпос / Пер. В. В. Бартольда. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 300 с.
10. Идельбаев М. Х. Коркут-ата в тюркской и башкирской словесности // Культура народов Башкортостана в контексте евразийской цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Году литературы. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 133-138.
11. Мурзагулова З. Г. Традиции изустной словесности в тюркских письменных памятниках древности и средневековья // Актуальные проблемы башкирской, тюркской и угро-финской филологии и культуры. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 404-406. (на башк. яз.)
12. Малов С. Г. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
13. Янбаев И. К. Отражение мотивов «Калилы и Димны» в переводных рассказах Хабибназара Утаки // Востоковедение в России: история, современность и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 392-397. (на башк. яз.)
14. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Клишников-Комаров и К, 1993. – 528 с.
15. Идельбаев М. Х. Авторская изустная поэзия средневековой тюркской словесности и хабрау-йырау [Электронный ресурс]. URL: <http://kze.docdat.com/docs/7/index-3455-1.html?page=12#2> (дата обращения: 01.10.2017).
16. Короглы Х. Г. Литературы Средней Азии и Казахстана. Введение // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 5. – М.: Наука, 1988. – С. 478-481.

17. Идельбаев М. Х. Этапы развития башкирской изустной литературы // Межнациональное единство и согласие в Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной году укрепления межнационального согласия в Республике Башкортостан. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 106-110.

References

1. Marr N. Ja. *Akademik S. F. Ol'denburg i problemy kul'turnogo nasledija* [Academician S. F. Oldenburg and the problems of cultural heritage]. In: *Sergeju Fedorovichu Ol'denburgu: K 50-letiju nauchno-obvestvennoj dejatel'nosti. 1881-1931: Sbornik statej* [Sergey Fedorovich Oldenburg: To the 50th anniversary of scientific and social activity. 1881-1931: Collection of articles]. Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1934, pp. 5-14.

2. Veselovskij A. N. *Istoricheskaja pojetika* [Historic poetics]. Moscow, Vysshaja shkola, 1989, 405 p.

3. Meletinskij E. M. *Vvedenie v istoricheskiju pojetiku jeposa i romana* [Introduction to the historic poetics of the epic and novel]. Moscow, Nauka, 1986, 318 p.

4. Steblin-Kamenskij M. I. *Istoricheskaja pojetika* [Historic poetics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1978, 176 p.

5. Lisevich I. S. *Drevnjaja kitajskaja poezija i narodnaja pesnja* [Ancient Chinese poetry and folk song]. Moscow, Nauka, 1969, 288 p.

6. Bazanov V. G. *Ot fol'klora k narodnoj knige* [From folklore to folk books]. Leningrad, Hud. lit-pa, Leningr. otd., 1973, 360 p.

7. Stebleva I. V. *Drevnjaja tjurkojazychnaja literatura* [Ancient Turkic language literature]. In: *Istorija vseмирnoj literatury: v 9 t. T. 2* [History of World Literature: in 9 vol. Vol. 2]. Moscow, Nauka, 1984, pp. 196-205.

8. Zhimunskij V. M. *Tjurkskij geroicheskij jepos* [Turkic heroic epic]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd., 1974, 728 p.

9. *Kniga moego deda Korkuta: Oguzskij geroicheskij jepos* [The book of my grandfather Korkut: Oguz heroic epic]. Per. V. V. Bartol'da. Moscow, Leningrad, Izd. AN SSSR, 1962, 300 p.

10. Idel'baev M. H. *Korkut-ata v tjurkskoj i bashkirskoj slovesnosti* [Korkut-ata in the Turkic and Bashkir literature]. In: *Kul'tura narodov Bashkortostana v kontekste evrazijskoj civilizacii* [Culture of the peoples of Bashkortostan in the context of the Eurasian civilization]: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjavЕННОj 25-letiju fakul'teta bashkirskoj filologii i zhurnalistiki Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta i 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne, Godu literatury. Ufa, RIC BashGU, 2015, pp. 133-138.

11. Murzagulova Z. G. *Tradicii izustnoj slovesnosti v tjurkskih pis'mennyh pamjatnikah drevnosti i srednevekov'ja* [Traditions of oral literature in Turkic written monuments of antiquity and the Middle Ages]. In: *Aktual'nye problemy bashkirskoj, tjurkskoj i ugro-finskoj filologii i kul'tury* [Actual problems of the Bashkir, Turkic and Finno-Ugric philology and culture]. Ufa, RIC BashGU, 2014, pp. 404-406. (In Bashkir lang.)

12. Malov S. G. *Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti* [Monuments of ancient Turkic script]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1951, 452 p.

13. Janbaev I. K. *Otrazhenie motivov "Kalily i Dimny" v perevodnyh rasskazah Habibnazara Utaki* [Reflection of the motives of "Kalila and Dimna" in Habibnazar Utaki's translated stories]. In: *Vostokovedenie v Rossii: istorija, sovremennost' i perspektivy* [Oriental Studies in Russia: History, Modernity and Prospects]: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ufa, RIC BashGU, 2013, pp. 392-397. (In Bashkir lang.)

14. Gumilev L. N. *Drevnie tjurki* [Ancient Turkic]. Moscow, Klishnikov-Komarov i K, 1993, 528 p.

15. Idel'baev M. H. *Avtorskaja izustnaja poezija srednevekovoj tjurkskoj slovesnosti i habrau-jyrau* [Author's oral poetry of medieval Turkic literature and habrau-jyrau] [Web resource]. URL: <http://kze.docdat.com/docs/7/index-3455-1.html?page=12#2> (accessed October 1, 2017).

16. Korogly H. G. *Literatury Srednej Azii i Kazahstana. Vvedenie* [Literatures of Central Asia and Kazakhstan. Introduction]. In: *Istorija vseмирnoj literatury: v 9 t. T. 5* [History of World Literature: in 9 vol. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 478-481.

17. Idel'baev M. H. *Jetapy razvitija bashkirskoj izustnoj literatury* [Stages of development of Bashkir literature]. In: *Mezhnacional'noe edinstvo i soglasie v Rossijskoj Federacii: opyt, problemy, perspektivy* [Interethnic unity and consent in the Russian Federation: experience, problems, prospects]: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjavЕННОj godu ukreplenija mezhnacional'nogo soglasija v Respublike Bashkortostan. Ufa, RIC BashGU, 2015, pp. 106-110.